

М. А. Кронгауз

Sexus, или проблема пола в русском языке

Ланцелот. ...Как тебя зовут?

Кот. Машенька.

Ланцелот. Я думал — ты кот.

Кот. Да, я кот, но люди иногда так невнимательны.

(Е. Шварц. «Дракон»)

1. Язык и пол

Пол, кажется, одна из немногих действительно важных для человека категорий, восприятие которой практически не зависит от языка и культуры. Впрочем, я имею в виду только то, что носители разных языков в принципе одинаково различают два типа существ — женского и мужского пола. В действительности уже вопрос о том, что, собственно, представляет собой каждый из этих полов и пол вообще, приведет нас к сложной научной философской проблеме. Очевидно, что, с точки зрения культуры, противопоставление женского и мужского пола у человека важнее половых различий прочих существ и принципиально отличается от них, хотя бы наличием громадного количества культурных ассоциаций, шаблонов поведения и восприятия, связанных с обоими полами.

Тем не менее, отвлекаясь от проблемы дефиниции и содержания, а также вариативности понятия «пол» в зависимости от вида, пренебрегая различными отклонениями (интерсексуальность, унисексуальность, гомосексуальность, транссексуальность и пр.), можно сказать, что пол является естественной категорией

охватывающей все виды существ и задающей удивительно четкое разбиение этих существ на два класса. Эта классификация в силу своей важности отражается так или иначе во всех человеческих языках, но отражается, естественно, по-разному. Вообще для Языка можно говорить об универсальной семантической категории пола (копирующей соответствующую естественную категорию), а для конкретных языков — об определенных ее трансформациях, специфике ее выражения и даже об отдельных коррелирующих с ней грамматических категориях. В частности, считается, что в русском языке семантическая категория пола коррелирует с грамматической категорией рода у имен существительных, обозначающих живые существа.

Объектом исследования в настоящей работе стало функционирование семантической категории пола в русском языке, а если говорить более конкретно, то способы выражения значения женского и мужского пола, а также семантическая и формальная структура лексических групп, образованных словами, значение которых совпадает с точностью до семантического компонента «пол». Такие группы можно считать своего рода «сексуальными парадигмами» слов, обозначающих лица и существа, различающиеся по полу.

Материалом исследования стала лексика русского языка, служащая для называния людей и животных. В работе не ставилась задача «полного естественнонаучного охвата» лексики, поэтому вне рассмотрения остались слова, обозначающие растения, одноклеточных и т. д., то есть живую природу, с очевидностью бесполою с наивной точки зрения.

2. Способы выражения пола

В работе исследуются те случаи, когда значение женского и мужского пола выражается не самостоятельно, а в сочетании с каким-либо другим значением (например, вид животного, национальность, профессия и т. д.), то есть когда речь идет не о поле как таковом, а о лице или существе, принадлежащем к одному из полов. В словообразовании значения такого типа называются модификационными: они модифицируют или дополняют основное значение (см., например, Земская 1992, с. 34).

Для удобства и под влиянием самого материала изложение делится на две части: категория пола у животных и категория пола у людей (или лиц, включая сюда богов, нечистую силу и т. д.).

Названий животных значительно меньше, и с семантической точки зрения они более однотипны. В подавляющем большинстве это слова со значением вида, к которому может добавляться значение женского или мужского пола. Названия людей гораздо разнообразнее. Здесь можно лишь выделить наиболее предельные типы (профессии, национальности, оценочные словосочетания термины родства и некоторые другие), но едва ли удастся построить строгую и исчерпывающую семантическую классификацию.

Вместе с тем следует сказать и об общих принципах подхода к описанию семантики пола у животных и людей. Можно сформулировать несколько рабочих гипотез, основанных на здравом смысле и лингвистических универсалиях. Так, значение пола при основном, или ключевом, смысле может быть выражено тремя способами: 1) с помощью отдельного слова или словосочетания (*мужчина, женщина, самец, самка, мужского пола, женского пола*); 2) с помощью регулярного морфологического средства: отдельного суффикса (например, *-их-* или *-к-* для женского пола) и/или стандартной операции над корнем (например, *кочка* — *кочкавица*, результатом которой оказывается перевод слова с ключевым значением в другой тип склонения и другой род: *супруг* — *супруга*); 3) с помощью нового корня, который одновременно выражает ключевое значение и значение соответствующего пола. Т. е., если пользоваться терминологией модели «смысл — текст», значение пола имеет склеенное выражение (Мельников, 1974). Последний случай можно квалифицировать как супплетивное словообразование (например, *лошадь — кобыла — жеребец*). К третьему же способу можно отнести и различного рода нестандартные средства (представленные в таких примерах, как вообще плохо членимое *козел* или пара *кошка — кот* с нестандартным чередованием и отбрасыванием суффикса для выражения мужского пола).

Вопрос о стандартности словообразовательных средств в действительности достаточно сложен и не может быть решен в рамках этой статьи. Для краткости готовый набор таких средств заимствуется из РГ 1980, где выделяется только одно модификационное значение пола: женскость. Оно «выражается суффиксами *-к-* (*пассажирка, перепелка*), *-иц(а)* (*любимица, медведица*), *-нич(а)* (*учительница*), *-их(а)* (*повариха, волчиха*), *-ш(а)* (*библиотекарша*), *-/ж/-* (*шалунья*), *-н(а)* (в отчествах: *Петровна*), *-ин(я)* (*героиня*), *-есс(а)* (*поэтесса*), *-ис(а)* (*актриса*), нулевым суффиксом

(*супруга, возжатая*; фамилии типа *Попова*)» (РГ 1980, с. 265). На с. 200–203 более подробно описаны варианты морфем (например для *-к-*: *-к/-овк/-анк/-ичк/-ачк*) и сопутствующие операции над основой (типа усечения *любим/ец — любимица*). Кроме того, упомянуты еще два суффикса: *-ин(а)* (*синьорина, Антонина*) и *-ух(а)* (*оленуха*; сюда же, по-видимому, следует отнести и отглагольные образования типа *стряпуха*, с. 152).

По приведенным примерам видно, что все суффиксы сочетаются с названиями лиц и только четыре из них: *-к-*, *-иц-*, *-их-* и *-ух-* — с названиями животных (и однократно *-ин/-ын-* в слове *гусыня*).

Модификационное значение мужского пола в РГ 1980 вообще не выделяется, поскольку, как отмечено: «Существительные с модификационным значением женскости используются и вновь образуются при необходимости подчеркнуть половую принадлежность лица. Если же такой необходимости нет, для обозначения лиц женского пола широко используются соответствующие существительные муж.р., лишённые сами по себе указания на половую принадлежность» (с. 204). Однако сразу следом замечено, что существительные муж.р. с суффиксом *-ич* (*Петрович, королевич*) не способны выражать значение лица женского пола. Вопрос о том, означает ли отсутствие соответствующего словообразовательного значения также отсутствие слов со значением мужского пола, остается открытым.

Очевидно, что однозначного соответствия между родом одушевленных существительных и значением пола нет. Как вытекает из сказанного в РГ 1980, даже при наличии словообразовательных пар женского и мужского рода (типа *повариха — повар*) лишь первое из слов включает в себя значение конкретного пола — женского.

Правда, нужно упомянуть о специальном семантическом эффекте, возникающем в контексте противопоставления пар такого рода. Во фразах *У меня есть кот и кошка* и *У нас работают повар и две поварихи* нейтральные с точки зрения пола слова *кошка* и *повар*, будучи противопоставлены словам *кот* (с семантическим компонентом 'мужской пол') и *повариха* ('женский пол'), приобретают значение противоположного пола. В этом случае фактически происходит подмена семантического противопоставления полов грамматическим противопоставлением родов. Этот прием утрированно использует и В. Маяковский,

сталкивая два «бесполох» синонимичных слова разных родов *жираф* и *жирафа* и придавая им тем самым различные значения.

Жираф-длинношейка — ему никак для шеи не выбрать воротника.
Жирафке лучше: *жирафу*-мать есть жирафенку за что обнимать.

В связи со сказанным встает проблема четкости границ сексуальных парадигм.

В основе сексуальных парадигм и животных, и людей лежат одна и та же логическая схема. Имеется некий ключевой смысл (вид, профессия, национальность и пр.), сочетающийся в принципе со значением пола. Полную сексуальную парадигму представляют, таким образом, три слова со следующими значениями: 1) ключевой смысл; 2) ключевой смысл + 'женский пол' (ж), 3) ключевой смысл + 'мужской пол' (м), например *гусь* — *гусь* (ж) — *гусак* (м). Эта логическая схема реализуется в искусственном языке идо, где слово без специального аффикса применимо к обоим полам, аффикс *-ul-* обозначает мужской пол, а *-in-* — женский (frato — 'брат или сестра', fratulo 'брат', fratino 'сестра', Есперсо 1958, с. 271).

Для естественных же языков предложенная схема является упрощением и идеализацией реального положения дел. Так, в русском языке наряду с полной сексуальной парадигмой существуют и разного рода дефектные парадигмы, например: *учитель* — *учительница* (ж); *кошка* — *кот* (м); *монтер*. Кроме того, морфемные средства выражения пола не столь единообразны.

Однако наиболее сложная проблема связана с отсутствием строгих критериев приписывания словам значения конкретного пола. Так, неясно, о чем свидетельствует возможность употребления слова в упомянутых выше контекстах противопоставления. Может ли значение пола в слове проявляться или подчеркиваться? Можно ли, например, считать, что слово *бригадир* имеет значение мужского пола тогда, когда употребляется по отношению к мужчине? А *шахтер*?

Фактически речь идет о необходимости использования при семантическом анализе хорошо проверяемых и эффективных операций. В качестве таких операций в настоящей работе используются тесты на называние людей и животных, применяемые к отдельным словам.

Среди используемых тестов три вопроса, связанные с номинацией отдельной особи: можно ли данное слово использовать для называния особи каждого из полов и особи неизвестного (или не важно какого) пола? К ним добавляется один вопрос, связанный с номинацией совокупности: можно ли использовать данное слово во множественном числе для называния совокупности разнополох особей? Слово абсолютно нейтрально по полу, если на все четыре вопроса носитель языка отвечает «да» (например, *волк* или *доктор*). Наиболее ярко выражено значение пола в словах, используемых только для называния особи соответствующего пола и невозможных в трех других ситуациях (например, *пестух* или *мужик*). Возможны и различного рода промежуточные случаи. Так, слово *француз* в единственном числе применимо только к мужчине и к неизвестному лицу «французской национальности», но не к женщине, а во множественном — нейтрально. Контексты противопоставления, «наводящие» признак пола, в дальнейшем не рассматриваются.

Не всегда семантически очевидны и критерии отнесения слов к одной парадигме. В частности, это имеет место, когда семантическое противопоставление полов осложнено различными коннотациями, а стандартные формальные средства отсутствуют.

Даже такая типичная пара, как *муж* — *жена*, в действительности представляет собой неканоническое противопоставление полов. Ведь здесь оно фактически удваивается, поскольку различается не только пол соответствующих лиц, но и тех, по отношению к кому они определены (ср. *гомосексуалист* — *лесбиянка*). Неясно также, следует ли отнести к одной парадигме такие слова, как *парень* — *девица* (*девка*?); *мужик* — *баба*, и т. п. с очень разными коннотациями и контекстами употребления отдельных членов. В дальнейшем спорные случаи по возможности исключаются из рассмотрения.

3. Пол у животных

Названия животных разбиваются на три класса в зависимости от того, какие способы выражения пола для них возможны. В первый класс попадают названия животных, допускающие выражение пола только с помощью отдельного слова или словосочетания типа *самец*, *женского пола* и т. д. Ко второму классу относятся названия животных, выражающие пол стандартным сло-

вообразовательным способом — добавлением морфемы с соответствующим значением (*волк — волчица*). Третий класс объединяет названия животных, для которых значения мужского и женского пола выражаются супплетивно или с помощью нестандартных операций над корнем.

Каждый из этих классов описывается следующим образом. Задаются виды животных, попадающие в этот класс. Описываются характерные для них сексуальные парадигмы, а также — более конкретно — формальные способы выражения пола.

Можно сказать, что эти три класса соответствуют трем степеням идиоматичности выражения пола. В первом случае пол выражается описательно, вне рамок слова. Во втором случае пол выражается в рамках слова, но вне корня — носителя ключевого смысла. И, наконец, в третьем случае пол выражается совместно с ключевым смыслом в рамках единой морфемы — корня. Поскольку в выделении классов используется остаточный принцип, корректнее начать изложение с третьего класса.

Это закрытый и сравнительно небольшой класс, в силу чего его удобнее задать списком, то есть перечислить названия всех животных и вообще все слова, входящие в соответствующие парадигмы. К нему относятся *корова, кошка, курица, лошадь, овца, свинья, собака, утка*.

Для этого класса характерно несколько парадигм. Первая из них, полная, недефектная, представлена следующими тройками: *собака — сука (ж) — кобель (м)* и *лошадь — кобыла (ж) — жеребец (м)*. Можно вспомнить и другие названия этих животных. Например, *нес*, исторически противопоставленное по полу устаревшему слову *псица*, сейчас нейтрально и противопоставлено *собаке* по семантическим признакам, не связанным с полом. Также нейтрален по полу *конь* — квазисиноним *лошади*. *Кобылица* же, стилистический вариант *кобылы*, обозначает лошадь женского пола.

Дефектная парадигма с отсутствием названия для самки представлена парами *кошка — кот (м)*, *свинья — хряк/кабан (м)*, *утка — селезень (м)*. Другой тип дефектности — отсутствие общего нейтрального названия — представлен в парах *корова (ж) — бык (м)*, *курица (ж) — петух (м)*.

Несколько сложнее устроена пара *овца — баран (м)*, где *овца*, являясь в единственном числе носителем признака женского пола, во множественном, по-видимому, нейтральна. Впрочем, граница между *овцой*, с одной стороны, и *коровой* и *курицей*, с

другой стороны, весьма размыта. Все это названия самок, которые в случае крайней необходимости могут выступать в качестве названий рода и совокупности.

Относительно данного класса легко сделать следующее обобщение. Сюда попадают названия традиционных русских домашних животных, то есть наиболее важных для русского человека и языка, причем для всех этих животных имеется особое название самца. Мужской пол здесь выделен, и его выражение факультативно, с точки зрения говорящего.

Есть еще три домашних животных с аналогичным устройством парадигмы. Правда, их названия образованы от одного корня, но с помощью нестандартных (в области названий животных) морфологических средств. Это *гусь — гусыня (ж) — гусак (м)*, устроенный семантически, как *собака*, и *индейка (ж) — индюк (м)* и *коза (ж) — козел (м)*, сходные с *овцой*.

В связи со сказанным важно подчеркнуть наличие среди названий домашних животных пяти дефектных парадигм с фактически отсутствующим нейтральным названием, как будто разнородные особи вообще не связаны между собой и относятся к разным видам. Этот языковой факт имеет достаточно ясную культурную интерпретацию: функции разных полов у данных видов абсолютно различны (например, курица несет яйца, а петух выполняет роль производителя и будильника), так что в быту практически не возникает потребности говорить о виде вообще. Иначе обстоит дело с собакой и лошадью, которые выполняют свою основную функцию независимо от пола.

Для второго класса характерна единая парадигма с отсутствующим названием для самца, а название самки образовано от общего названия мужского рода регулярным словообразовательным способом: с помощью суффиксов *-к(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ух(а)*: *волк — волчица*, *воробей — воробыха*, *заяц — зайчиха*, *кролик — крольчиха*, *лебедь — лебедка*, *муравей — муравыха*, *олень — оленуха*, *перепел — перепелка*, *слон — слониха*, *тигр — тигрица* и т. д. Иногда реализуются сразу несколько словообразовательных возможностей, что приводит к возникновению дублетных названий типа *ослиха* и *ослица*, *олениха* и *оленуха*. К этому же классу относится и пара *навалин — нава*, в которой нейтральное слово морфологически сложнее названия самки.

Сюда попадают прежде всего названия диких животных, так или иначе связанных с русским человеком (как правило, достаточно крупных), домашних животных других народов, распрост-

раненных птиц и насекомых, короче говоря — названия зверей, попадающих в сферу влияния человека. Бесспорно относятся к этому классу и названия зверей — героев сказок (*еж, лев, слон* и т. д.). Существенно, что это открытый класс, наполняемый по мере необходимости и расширения сферы человеческого влияния (даже сферы одного конкретного говорящего). При этом может использоваться и суффикс *-ш(а)*: например слово *терьерша*, неоднократно употреблялось в газетах во время визита в Москву американской актрисы Лайзы Миннелли в обозначения ее верной спутницы.

В качестве обобщения следует сказать, что, в отличие от названий домашних животных, выделенным и, кроме того, специальным образом маркированным оказывается женский пол.

Наконец, к первому классу относятся такие слова, как *мамонт, земноводное, гад, зверь, птица, рептилия, бульдог, гиена, нудель, грач, кенгуру, колибри, окапи, мыш, крыса, обезьяна, носорог, овод, хорек, суслик, горностай, куница* и др.

Для этого класса характерен единственный тип дефектной парадигмы, которая состоит из одного слова, нейтрального по полу. Названия животных попадают в этот класс и по семантическим, и по формальным морфологическим признакам.

Дефектная парадигма этого типа имеет место в том случае, если нейтральное по полу название животного относится к женскому роду (*крыса, мыш* и т. д.) и среднему роду (*земноводное* и некоторые другие названия типов и классов живых существ) или к разряду склоняемых существительных (*кенгуру, колибри* и т. д.).

Что же касается семантики, то сюда попадают невидовые названия, то есть более абстрактные и более конкретные, чем названия видов. Это наименования типов, классов и отрядов, которые вообще не употребляются для названия отдельных особей, и наименования подвидов и пород (*зверь, грызун, шниц, драмаде* и т. д.). Кроме того, только одно общее название имеют экзотические, а также мелкие животные (*носорог, колибри, овод* и т. д.). Сюда же относятся и названия детенышей, не различающиеся по полу (*щенок, котенок* и т. д.)

Семантические и морфологические признаки могут сочетаться. Так, например, несклоняемость характеризует названия некоторых экзотических животных, а средний род — названия типов и отрядов.

Из всех рассмотренных классов единственным строго очерченным является замкнутое множество названий домашних жи-

вотных. Пополнение его за счет новых корней практически не происходит. Четкой же границы между классом «близких» (важных) и «далеких» (неважных) животных не существует. Как уже сказано, по мере надобности, например, в сказках, может происходить «сексуализация» названия, то есть образование с помощью продуктивного словообразовательного средства названия для особи женского пола, например, *кенгуриха* или приведенное выше *терьерша*.

Впрочем, переход в другой класс практически невозможен для абстрактных названий (типы, отряды и т. д.) и крайне затруднен для слов женского и среднего рода (в Земская 1992, с. 155; отмечены *обезьяниха, рысица* и *акулиха*). Есть и другая возможность окказионального образования маркированных по полу слов, но и *мыш* (иногда встречающееся написание без мягкого знака) и *Крыс* (используемое в переводе сказки К. Грэхема «Ветер в ивах» для персонажа мужского пола) явно находятся вне литературной нормы. Исключение составляют две пары *лиса/лисица — лис (м), канарейка — кенарь/кенар (м)*. От последнего слова образовано даже мало кому известное название самки *кенарка*. Важность противопоставления полов у канареек вполне понятна. Эта птица одомашнена человеком ради пения, но поет только самец. Название лисы уникально, поскольку по своему семантическому типу оно относится ко второму классу (это очень важное в русской культуре животное), морфологически — к первому, но в результате нестандартной для названий животных морфологической операции (конверсии; ср. квазиполовую пару *змея — змей*) по устройству парадигмы должно быть отнесено к третьему классу, поскольку выделенным оказывается мужской пол.

В заключение следует сказать еще о некоторых исключениях и дополнениях к рассмотренным трем классам. В первую очередь речь идет о названиях животных не по виду (или не только по виду), а по какому-либо другому признаку. Если этот признак никак не связан с полом, то само слово обычно семантически нейтрально, а названий для особей конкретного пола не существует. Такие названия, тем самым, относятся к первому классу, например, названия детенышей (исключение пара *телка — телок*) или слова типа *шатун*.

Однако встречаются признаки, предопределяющие пол. Соответствующая им парадигма состоит из одного слова, маркированного по полу, например, *несушка (ж), пулярка (ж), свино-*

матка (ж), *яловица* (ж), *боров* (м), *вол* (м), *каплун* (м), *мерин* (м), *секач* (м).

Отдельно нужно отметить парадигму слова *голубь*, относящуюся ко второму классу. Ее специфика состоит в том, что, наряду с морфологически стандартными названиями самки *голубка*, *голубица*, существует супплетивный вариант: *гоблица*.

Еще три по-своему уникальных типа представлены парадигмами *пчела* — *матка* (ж) — *трутень* (м), *гончая* — *выжлица* (ж) — *выжлец* (м), *животное* — *самка* (ж) — *самец* (м). Эти парадигмы принадлежат к третьему классу. И, действительно, пчелу естественно рассматривать как домашнее животное, но ситуация с ней осложняется существованием «третьего пола», причем наиболее распространенного, — рабочих пчел, так что слово *пчела* оказывается одновременно и нейтральным и маркированным названием. В двух других парадигмах маркированные по полу слова функционируют совершенно независимо от нейтрального слова и иначе, чем оно. *Выжлица* и *выжлец* являются, в отличие от *гончей*, охотничьими терминами, а *животное*, с одной стороны, и *самка* и *самец*, с другой, обладают разной сочетаемостью и разными референтными свойствами. Эти различия подчеркиваются морфологически. Маркированные по полу слова образованы от одного корня и этим противопоставлены нейтральному названию. В этом случае, по-видимому, вообще не имеет смысла говорить о единой парадигме.

4. Пол у людей

Количество названий людей, а главное, разнообразие смыслов, представленных ими, не позволяют создать столь же компактное описание, как у названий животных. Именно поэтому в этой главе имеет смысл сосредоточиться на самых главных практически не описанных группах, пренебрегая большим количеством семантических нюансов и исключений. Вне рамок рассмотрения окажутся, в частности, супплетивные пары и тройки (в первую очередь, термины родства и названия членов семьи по возрасту, например, *брат* — *сестра*, *человек* — *женщина* — *мужчина*). Количество таких парадигм в общей массе названий людей крайне незначительно, а, кроме того, объединение разнокоренных слов в одну сексуальную парадигму часто представляет определенные трудности, поскольку человеческим полам сопутствуют многочисленные коннотации. Не бу-

дут также затронуты и проблемы слов общего рода, обращений, имен собственных, оценочных слов, омонимии типа *докторша*: 'X женского пола' и 'жена X'a' — и некоторые другие, достаточно подробно обсуждавшиеся в лингвистической литературе. В задачу настоящей главы входит показ неполноты существующих описаний семантического противопоставления по полу в русском языке.

Среди подавляющего большинства названий людей можно выделить пять классов, которым соответствуют определенные типы сексуальных парадигм. Правда, эти классы не являются в строгом смысле лексическими. Точнее говорить о прототипических парадигмах и прототипических классах, при том, что некоторые реальные слова способны окказионально переходить из класса в класс и, с точки зрения интуиции носителя языка, находятся как бы между ними. Принадлежность названий к тому или иному классу определяется разными факторами: отчасти их словообразовательной структурой, отчасти их семантикой и даже трудноуловимой общественной традицией: так, существует слово *киоскерша*, отсутствуют слова *монтерша* и *шахтерша*, *шоферша* же допустимо, хотя стилистически маркировано: *Ах, шоферша, пути перепутаны* (А. Межиров).

Все несупплетивные парадигмы дефектны и состоят либо из словообразовательных пар, либо из единичных названий.

Наиболее распространенный тип парадигмы состоит из нейтрального по полу слова мужского рода и образованного от него слова женского рода, обозначающего женщину: *учитель* — *учительница*. Существование таких пар безоговорочно признается лингвистической традицией (см., например, Виноградов 1947, Янко-Триницкая 1982 и все русские академические грамматики). Семантические отношения внутри этих пар могут быть весьма различны, степень употребительности и стилистической нейтральности слова женского рода также сильно варьирует, но структура парадигмы сохраняется.

В русском языке существует и другой тип пары, в которой отсутствует нейтральное название: *француз* — *французенка*, *крестьянин* — *крестьянка*, *баловник* — *баловница*. К этому же классу относятся и те немногие пары, в которых существительное мужского рода морфологически сложнее, чем женского: *дурак* — *дура*, *ведьмак* — *ведьма*, *вдовец* — *вдова*.

Маркированность по полу первого члена пары не абсолютна: она выявляется лишь одним единственным вопросом из

предложенного выше теста. Проверка по тесту дает следующий результат: в единственном числе слово мужского рода может называть мужчину и неизвестно или неважно кто (Похоже, что это написал француз, ср. также пример В. В. Виноградова с родовым употреблением *Дом крестьянина*), но не может относиться к женщине (*Она француз); во множественном числе оно нейтрально. Н. А. Янко-Триницкая (1987, с. 39–40), также выделяя в особый класс «существительные обозначающие лицо по национальности, месту жительства, происхождению и по некоторым другим социальным признакам», говорит о лексической нейтрализации мужского пола в подобных существительных путем прибавления к ним прилагательных *каждый, всякий, рядовой и средний: каждый москвич* и т. п.

Кроме того, в русском языке существует большое количество слов мужского рода и значительно меньшее количество слов женского рода (не рассматриваются оценочные слова, например *подлец, сволочь, сука* и т. д.), обозначающих человека и не входящих ни в какие пары. Процедура приписывания таким словам той или иной дефектной парадигмы не всегда однозначно разрешима.

Так, совершенно ясно, что существительные *пешеход, грибник, пилот* или *президент* нейтральны по полу и могут называть женщину: *...моя мама называется пилот* (А. Барто). Причины же, по которым отсутствует специальное слово для обозначения женщины, различны и не всегда очевидны. В частности, одной из них может стать наличие в языке квазиполовой пары — слов с формально стандартным суффиксом женскости, но другим значением: *грибница, пилотка*. Впрочем, для многих слов этого класса, по крайней мере окказионально, возможен переход в первый класс (ср. примеры из Земская 1992: *дирижерша* и даже более изысканные *завка, корифейка, хирургесса*).

Кроме того, так же ясно, что слова *бородач, двоеженец* или *евнух* называют лицо мужского пола, просто потому что признаки, составляющие ключевой смысл, характерны только для мужчин.

Главная же сложность состоит в том, что граница между общим и чисто мужским признаком достаточно условна, что в социальной сфере усугубляется феминистической экспансией, а в физиологической различными отклонениями и извращениями. Так, появляются в языке слова типа *хоккеистка* (стилистически

нейтрально), *гроссмейстерша* или *йогиня* (стилистически окрашены). Именно поэтому трудно оценить статус слов типа *йог, монтер* или *шахтер*. Они находятся на пути из класса *евнух* в класс *пилот*, а поскольку потенциально допускают стандартное образование деривата со значением женского пола, то и на пути в первый класс (*учитель*).

Сходная ситуация имеет место с непарными словами женского рода *кухарка, свиначка, доярка, коровница, сестра-хозяйка, прачка, роженица, кормилица*, с единственным, но принципиальным отличием, состоящим в том, что образование от них дериватов мужского рода практически всегда затруднено. Следует, однако, отметить встречающиеся все же *дояр* и *медбрат*, а также окказиональные и явно нелитературные *Усатый нянь* в названии кинофильма и швей (*Напротив моего дома висит объявление: «Требуется ШВЕЙ»!*; С. Довлатов).

Обычно все эти слова обозначают женщин, однако в редких, но возможных жизненных ситуациях могут распространяться и на мужчин, то есть оказываются нейтральными: *Из него вышла бы неплохая кухарка* (ср. малоупотребительное и стилистически маркированное — *кухонный мужик*). Это особенно хорошо видно в переносных употреблениях: *Он — такая баба* или *политическая протитутка Троицкий* (Ленин).

Иногда одно и то же слово или словообразовательные корреляты выступают в нескольких ипостасях в зависимости от значения и контекста. Так, *работник фабрики* нейтрально и имеет женский коррелят *работница фабрики*. *Работник* вообще или *научный работник* нейтрально и не имеет коррелятов, а *домработница* также составляет отдельную парадигму.

Подводя итог, можно сказать, что для названий людей имеются следующие сексуальные парадигмы: 1) *учитель* — *учительница* (ж); 2) *француз* (м) — *французенка* (ж), в соответствии с тестом — мужской пол выражен слабо; 3) *пилот*; 4) *евнух* (м); 5) *роженница* (ж) (следует напомнить, что не рассматривались супплетивные пары и тройки). При этом обычен окказиональный, а иногда и постоянный переход из класса 3 в класс 1, переход же из классов 4 и 5 в класс 3 заложен в самой природе русского языка, т. е. является продуктивным приемом, и происходит в переносных употреблениях, а также по необходимости при культурно-социальном смешении полов. Для многих слов класса 4, в отличие от слов класса 5, возможно дальнейшее продвижение в класс.

5. Заключение

Проведенное исследование показывает, что функционирование семантической категории пола в русском языке весьма специфично. В работе введено понятие сексуальной парадигмы названий людей и животных и выделены основные типы та парадигм в русском языке. Можно с уверенностью сказать, такого распределения названий людей и животных по выделенным классам нет ни в одном языке мира и во многом это обусловлено русской культурной традицией. Очевидно, что именно место избирательная внимательность языка и культуры к различным существам.

Кроме конкретных результатов, связанных с составом сексуальных парадигм и их распределением по классам слов, которые сформулированы в третьей и четвертой главах, можно сделать несколько общих замечаний.

Прежде всего надо сказать, что семантический компонент пола в значении слова может быть выражен более или менее ярко. Так, некоторые слова, в принципе маркированные по полу, употребляются в определенных условиях нейтрально. Возможны и вообще переходы маркированных слов в раз нейтральных.

Наиболее частый случай дефектной парадигмы — пара, в которой лишь один член маркирован по полу. Выбор такого маркированного названия в речи означает подчеркивание половой принадлежности референта и тем самым определенную нестандартность ситуации, что иногда приводит к различным стилистическим эффектам. Тот факт, что в качестве единственного маркированного пола чаще (хотя и необязательно) выступает женский, может служить своего рода феминистическим упреком русскому языку.

И наконец, последнее замечание касается различий семантики пола у людей и животных в русском языке. Причин этого достаточно много, но одной из главных является активное социально-культурное смешение полов в современном человеческом обществе и, напротив, постоянство половых различий и соответствующих им функций в животном мире*.

* Работа выполнена при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Institute (grant 1084\94).

Литература

- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Есперсен 1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958.
- Земская 1992 — Е. А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей / «Смысл < = > Текст»: Семантика, синтаксис. М., 1974.
- РГ 1980 — Русская грамматика. М., 1980, т. 1–2.
- Янко-Триницкая 1982 — Н. А. Янко-Триницкая. Русская морфология. М., 1982.